

Советская литература и Сталин: размышления над культурной и политической историей СССР от революции до войны (рецензия на книгу)¹

Монография «Советская литература и Сталин (20-е — начало 30-х годов)» посвящена, как пишет историк А.Л. Юрганов в небольшом авторском предисловии, «изучению этапов становления советской литературы, в которых концентрировался опыт художественной и общественно-политической жизни 20-х — начала 30-х годов» (с. 9)². Избранная Юргановым тема отнюдь не нова: о становлении институтов литературного производства и складывании «новой» эстетической теории в первое пореволюционное десятилетие за последние полвека написано громадное количество исследований³, основные выводы которых автор в ходе изложения собственной позиции, к сожалению, не учитывает. Нетривиальной оказывается та задача, которую перед собой ставит ученый:

Я назвал это исследование историко-феноменологическим, чтобы подчеркнуть, что меня интересовали прежде всего границы самосознания литературных направлений в неоднородных контекстах исторической эпохи. Мне было интересно разобраться в том, почему на смену столь разнообразному миру творчества 20-х годов пришел угрюмый мир сталинизма, сделавший литературу своим подспорьем в идеологической борьбе (с. 9).

Юрганов предпринял попытку посмотреть на советскую литературу 1920-х — начала 1930-х гг. как на «феномен, имеющий свои подвижные семантические границы и сущностные характеристики» (с. 9), которые возможно сформулировать на основе тщательного анализа культурных хитросплетений «пролетарского эпизода» советской культуры.

Юрганов, А.Л. Советская литература и Сталин (20-е — начало 30-х годов): историко-феноменологическое исследование. — Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2024. — 254 с.

Yurganov, A.L. Soviet literature and Stalin (20s — early 30s) : Historical and phenomenological study. — Moscow ; St. Petersburg : Center for Humanitarian Initiatives, 2024. — 254 p.

ISBN 978-5-98712-439-0

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00394, <https://rscf.ru/project/20-18-00394/>).

² Здесь и далее в скобках указаны номера страниц рецензируемой монографии.

³ Ввиду невозможности привести исчерпывающий библиографический перечень ограничимся указанием на следующие работы: *Brown E.J.* The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932. New York: Columbia UP, 1953; *Günther H.* Die Verstaatlichung der Literatur: Entstehung und Funktionsweise des sozialistisch-realistischen Kanons in der sowjetischen Literatur der 30er Jahre. Stuttgart: Metzler, 1984; Die Lebensphasen eines Kanons — am Beispiel des sozialistischen Realismus // Kanon und Zensur. Archäologie der literarischen Kommunikation II. München: Wilhelm Fink Verlag, 1987. S. 138–148; *Чудакова М.О.* Без гнева и пристрастия: формы и деформации в литературе 20–30-х гг. // Новый мир. 1988. № 9. С. 240–260; Сквозь звезды к терниям: смена литературных циклов // Новый мир. 1990. № 4. С. 242–262; *Белая Г.А.* Дон Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей. М.: Сов. писатель, 1989; *Добренко Е.А.* Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997; Формовка советского писателя: социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999; *Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине, 1917–1932. М.: АИРО-XX, 1998; *Кларк К.* РАПП и институционализация советского культурного поля в 1920 — начале 1930-х годов // Соцреалистический канон / под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 209–224; *Корниенко Н.В.* «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010; *Вьюгин В.Ю.* Политика поэтики: очерки из истории советской литературы. СПб.: Алтейя, 2014; *Московская Д.С.* Пролетарская литература как проект // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 80–93.

Композиционный костяк книги составляют статьи автора, ранее опубликованные в журнале «Россия и современный мир»⁴. Дополненные новыми фактами и переработанные на основе разысканных архивных и публицистических источников, они совершенно по-новому смотрятся в сводном тексте исследования, насчитывающего около 300 страниц убористого текста. Так, каждый отдельный случай, рассмотренный Юргановым в публикациях прошлых лет, уже в монографии стал остроумным подтверждением предложенной на ее страницах концепции.

Структурно книга состоит из трех глав, каждая из которых разбита на части, или мелкие подглавки (точнее, отдельные сюжеты или микросюжеты), тем не менее полностью укладываемые в обозначенное заглавием проблемное поле исследования. Если посмотреть на план монографии под иным углом (а такое вполне получается!), то можно резюмировать его следующим образом: первая глава — это беглый абрис эстетико-идеологических установок предпринятого в будущем «построения социализма в одной, отдельно взятой стране» (с. 116), вторая глава — это характеристика многочисленных модусов восприятия идеи «нового» творчества и анализ проблемы взаимоотношения конкретных людей в рамках «отдельно взятой страны» (с существенной опорой на выводы книги 2020 г.⁵), третья глава — исследование художественного воплощения ранее охарактеризованных установок и взаимоотношения людей в едином пространстве советской культуры (на примере трех пьес А.Н. Афиногенова).

Первая глава — «Мир идей советской литературы в конфликтном противостоянии (первая половина 20-х годов)» — посвящена столкновению эстетико-идеологических деклараций имажинизма и ЛЕФа (футуризма) как «идеалистического» и «материалистического» полюсов культуры (с. 36). Истоки этого идейно-творческого конфликта автор предлагает искать даже не в предреволюционных, а в предвоенных спорах о сущности модернизма как эстетического эквивалента современности. Таким образом, более широким контекстом, оказавшимся в центре внимания Юрганова, стала «новая дихотомия» культуры и цивилизации, которая обозначилась в художественных манифестах революционных лет⁶.

Автором приведено сопоставление сходных положений из книги Е.А. Полетаева и Н.Н. Пунина «Против цивилизации» (Пг.: 4-я Государственная Типография, 1918) и статьи А. Блока «Крушение гуманизма» (7 апреля 1919 г.; Знамя. 1921. № 7/8). Текстуально подтвержденное указание на их идейную сонаправленность позволяет Юрганову прийти к выводам, которые, по сути, задают тон и становятся лейтмотивом всего исследования. Позволим себе привести фрагмент сопоставления в том виде, в каком он дан в книге (см.: с. 19):

«Против цивилизации»

Всякий прогресс есть освобождение от мертвого груза традиций. Седая древность какого-нибудь принципа, вроде, например, **«священного» принципа частной собственности** — в наших глазах не делает его ни более ценным, ни особенно убедительным, если его отвергает новая действительность и современная наука. Мы смотрим не назад, а вперед.

«Крушение гуманизма»

...Цивилизация уже не является материком, а группой островов, которые могут быть скоро залиты сокрушительным потоком; что драгоценнейшие, с точки зрения гуманитарной, этические, эстетические, правовые продукты цивилизации, **вроде личной собственности**, Реймского собора, международного права — или смыты потоком, или находятся в положении угрожаемом.

⁴ Юрганов А.Л. Как товарищ Сталин стал руководить литературным фронтом // Россия и современный мир. 2017. № 3. С. 200–221; *Его же*. Конкурирующие модели пролетарской культуры 1920-х годов // Россия и современный мир. 2018. № 2. С. 137–156; *Его же*. «Бобруйское дело» и пьеса А.Н. Афиногенова «Чудак»: социально-политические реалии сталинизма и советская драматургия // Россия и современный мир. 2023. № 2. С. 156–174.

⁵ Юрганов А.Л. Культ ошибки: теоретический фронт и Сталин (середина 20 — начало 30-х гг. XX в.). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.

⁶ Примечательно, что Юрганов, подробно обсуждая контекст блоковской статьи, несколько раз упоминает и цитирует хрестоматийные тексты Освальда Шпенглера, но, к сожалению, даже не упоминает статью Д.М. Магомедовой (несмотря на то что другая ее статья цитируется в книге), посвященную именно этому вопросу (см.: Магомедова Д.М. «Крушение гуманизма» А.А. Блока и «Закат Европы» О. Шпенглера: источники и параллели // Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41). С. 139–152).

Юрганов, усматривая в приведенных фрагментах эксплицитно выраженную политическую тенденцию и аргументируя тем самым прогрессистскую установку культурной динамики⁷, выделил в цитате из книги «Против цивилизации» слова ««священного» принципа частной собственности», а в статье «Крушение гуманизма» — «вроде личной собственности». Это взгляд историка, стремящегося уловить и сформулировать логику культурного социального и — шире — цивилизационного развития, прогресса. Но отнюдь не всегда существование культуры и социума укладывается в линейно понимаемый процесс, который регулируется пресловутым диалектически обусловленным «отмиранием старого» и «народнением нового». В этой перспективе приведенные цитаты содержат указание на нечто другое, не менее важное: в книге «Против цивилизации» это слова о том, что «прогресс есть освобождение от мертвого груза традиций», а в статье «Крушение гуманизма» — «...цивилизация уже не является материком, а группой островов, которые могут быть скоро залиты сокрушительным потоком». В приведенных тезисах содержится общее указание на сугубо европоцентричное, марксистское в своей основе истолкование «логики истории», как бы уничтожающее ранее провозглашенную дихотомию. Культура не противопоставляется цивилизации, но, напротив, уподобляется ей: отказ от идеи Истории, предполагающей неукоснительную сегментацию современности на «старое» и «новое», оказывается общим для обоих полюсов мнимой «дихотомии».

Методологические принципы, реализованные в рецензируемом издании, сформулированы еще два десятилетия назад в программной статье Юрганова «Опыт исторической феноменологии», давшей название тому, написанному в соавторстве с А.В. Каравашкиным⁸ (ему Юрганов посвятил обсуждаемую книгу). Как уже было сказано, для автора как для историка «причинно-следственная обусловленность» некогда произошедших событий оказывается важнейшей установкой. Юрганову чрезвычайно важен не только событийный контекст той или иной идеи, но и то, чем она была «обусловлена» и что в итоге «обусловила». (Именно так в первой главе книги построено довольно грубое сопоставление эстетических программ имажинистов и левовцев, ограничивающееся разбором сугубо риторических, декларативных смыслов и не проливающее свет на истинное положение вещей⁹.) Другой важнейшей аналитической категорией является «миф», понятый как частная «картина мира», очерченная социальными, классовыми, историческими, научными и другими представлениями. Иначе говоря, научный метод Юрганова представляет собой примечательное совмещение антропологического ракурса с некоторыми аналитическими принципами микроистории, дающей представление лишь о частном (одном или нескольких «редуцированных фрагментах бытия»), но всегда указывающей на нечто общее.

Через эту методологическую призму становится ясным движение авторской мысли: вторая («Концепции литературного процесса и Культ Ошибки») и третья («Драматург “генеральной линии”») главы представляют собой отдельные части общей концепции, продуктивно вписанной Юргановым в широкий контекст модернистских исканий. Вместе с тем каждый отдельный

⁷ Ср. хотя бы следующее утверждение: «Прогресс — всегда только в культуре, и это всегда освобождение от груза застывшей в неподвижности прошлой культуры» (с. 18).

⁸ См.: Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии: трудный путь к очевидности. М.: РГУ, 2003.

⁹ В этом отношении куда больший объяснительный потенциал имеют следующие работы: Tihanov G. The Master and the Slave: Lukács, Bakhtin, and the Ideas of Their Time. New York: Oxford UP, 2000; The Birth and the Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford, CA: Stanford UP, 2019; Крусанов А.В. Русский авангард, 1907–1932: исторический обзор. М.: Новое литературное обозрение, 2003–2010. Т. 1–2; Новоженова А.Л. От социологического детерминизма к классовому идеалу: советская социология искусства 1920-х годов // Социология власти. 2014. № 4. С. 117–136; От социологического детерминизма к классовому идеалу: советская социология искусства 1920-х годов // Коробка с карандашами: тексты, рисунки, дизайн / А.Л. Новоженова. М.: V–A–C Press, 2021. С. 25–54; Томэ Д., Шмид У., Кауфманн В. Вторжение жизни: теория как тайная автобиография / пер. с нем. М. Маяцкого. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2017; Арсеньев П. Литература факта и проект литературного позитивизма в Советском Союзе 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

фрагмент в общем исследовательском нарративе есть размышление о становлении «советской цивилизации»¹⁰.

Такая методологическая рамка, с одной стороны, позволяет автору выстраивать гибкую повествовательную линию, припоминая те источники и документы, которые оказываются *кстати* для наметившегося изгиба мысли, и, с другой стороны, ограничивает квалифицированного читателя в возможности критиковать автора в отношении насыщения книги конкретным историческим материалом.

Так, например, после упоминания о встрече И.В. Сталина с писателями 20 октября 1932 г. (ср.: «20 октября 1932 г. Сталин собрал на квартире Горького писателей для беседы о причинах ликвидации РАПП. Прямо было сказано, что руководство не справилось с задачей объединить вокруг себя новые писательские массы» (с. 142)), думается, уместно было бы вспомнить и о его встрече с писателями в сентябре 1933 г. в доме М. Горького, на которой была намечена стратегия создания единого легитимного Союза писателей СССР. Писательница Л.Н. Сейфуллина, которая задала на этой встрече вопрос: «А не будут ли нами командовать, как писать, или эта творческая часть преимущественно останется в руках писательской части организации?» — получила следующий ответ Сталина:

Мы организовываем вас не для того, чтобы вами командовать, а чтобы вы сами собой командовали, сами себя контролировали, сами себе намечали пути и ответственно выполняли, наблюдая, действительно, за процессом своей работы¹¹.

По всей видимости, материал, связанный с институционализацией литературного производства в первую половину 1930-х, остался за пределами авторского внимания, потому как относится к иной фазе развития советского культурного проекта.

Историку литературы при чтении рецензируемой монографии следует почаще напоминать себе, что это исследование написано не с позиции скрупулезного историографического взгляда на огромный материал, а с позиции концептуального осмысления его нескольких отдельных фрагментов. В противном случае неизбежны заочные дискуссионные столкновения погруженного в обсуждаемые проблемы читателя с автором, в задачи которого не входило решение этих проблем. Так, например, при комментировании политической позиции журнала «На посту» автор пишет: «В декабре 1922 г. была образована литературная группа “Октябрь”, в марте 1923 г. по их инициативе была создана Московская ассоциация пролетарских писателей (МАПП), и в июне того же года группа “Октябрь” получила свой теоретико-критический журнал “На посту”» (с. 75). Следует уточнить некоторые из процитированных положений: во-первых, в состав «Октября» вошли группы «Кузница», «Молодая гвардия» и «Рабочая весна»; во-вторых, именно эти три группы стали основой Московской ассоциации пролетарских писателей (более того, члены этих групп вошли в основной состав МАПП, которая была организационно оформлена на Первой Московской конференции, проходившей 15–17 марта 1923 г.); в-третьих, фактически журнал «На посту» был «ежемесячным литературно-критическим журналом под редакцией Б. Волина, Г. Лелевича, С. Родова»¹². (Кроме того, обратим внимание и на неправильно воспроизведенную фамилию в перечне авторов, с которыми редакция «На посту» намеревалась сотрудничать: «С. Ленман» (с. 75); правильно: Семен Левман, редактор шахматного отдела газеты «Правда».)

Следует обратить внимание автора еще на один аспект проблемы, которому, как нам кажется, было уделено недостаточно внимания. Напомним, что обсуждаемая книга называется «Советская литература и Сталин...». Используя юргановский метод статистики (*кстати*,

¹⁰ Этой же теме посвящено фундаментальное исследование Стивена Коткина, не упомянутое в рецензируемой книге (см.: *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995*).

¹¹ Цит. по: «Мы организовываем вас не для того, чтобы вами командовать»: встреча Сталина с советскими писателями в 1933 году / публ. Л.А. Спиридоновой // *Источник. 2003. № 5. С. 61*.

¹² См.: *На посту. 1923. № 1. С. 1*.

прекрасно примененный во второй главе при подсчете упоминаний фамилии Сталина в журнале «На литературном посту»!), мы подсчитали, что словосочетание «советская литература», вызывавшее отчасти оправданное негодование у М.О. Чудаковой, в монографии используется не так часто: в первой главе оно не встречается совсем, во второй — девять раз¹³, в третьей главе — всего один раз¹⁴, в заключении — десять раз.

Именно в заключении книги Юрганов перешел к обсуждению едва ли не центральной проблемы исследования: «Советская литература — многослойный феномен, прошедший через несколько этапов становления» (с. 293). Таких этапов, по мысли автора, было три. Первый этап пришелся на первую половину 1920-х и закончился 18 июня 1925 г. с принятием Резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы»; второй этап длился с 1925 г. по 1927-й. Год окончания этого этапа связан с переменами в партийном аппарате, с борьбой против Л.Д. Троцкого и объединенной оппозиции, а также с осознанной потребностью в дискуссии о «диалектике» «как способе найти свой путь к всеобъемлющей истине через смысловые противоречия при построении художественного текста» (с. 295). Третий этап, следуя мысли Юрганова, завершился в апреле 1932 г. постановлением о ликвидации РАПП. В тот период, по словам автора, «расцвел сталинский Культ Ошибки, утвердивший право генерального секретаря ЦК ВКП(б) управлять всей советской культурой, и художественной литературой в том числе» (с. 295). Таким образом, якобы окончательно сформировался сталинский литературный проект.

Однако в первой главе (напомним, что она хронологически охватывает конец 1910-х — начало 1920-х гг.) автор много пишет о «пролетарской литературе» (ср.: с. 85, 106, 122 и др.). Именно на этот феномен, как представляется, Юрганову стоило бы обратить более пристальное внимание. Дело в том, что РАПП строил пролетарскую литературу, боролся против «попутчиков» за «пролетарскую литературу», а позднее возглавил эту самую «пролетарскую литературу». И ее необходимо от литературы «советской» отделять.

На первоначальном этапе слово «советская» относилось к литературе именно потому, что она создавалась в Советском государстве. Не случайно Юрганов приводит следующие слова М.В. Фрунзе, выступившего на заседании Литературной комиссии ЦК ВКП(б) 3 марта 1925 г.:

Хотя тов. Вардин принципиально прав, настаивая на необходимости идейного руководства со стороны пролетариата в области литературы, но им недостаточно четко и полно расценивается тот факт, что мы живем в советском государстве и с пролетарской диктатурой. Пролетариат в этом государстве осуществляет политическое и всякое иное руководство, отвечает за все и за вся (с. 151).

В то же самое время не стоит забывать и о том, что термином «советская литература» активно пользовались эмигрантские критики и теоретики, тем самым — вслед за Воронским¹⁵ — подчеркивая принадлежность ее (литературы) государству.

¹³ Ср.: «Новые пути новой советской литературы — трудные пути» (фрагмент цитаты; с. 90); «Культ идеологии выше советской литературы» (с. 102); «Лежнев напомнил критикам, что то, о чем писали перевальцы, стало признаваться в советской литературе как явление, совсем не чуждое пролетарской культуре» (с. 111); «Серебрянский отмечал, что в этой статье ни слова не сказано о том, что «борьба за творческий метод в советской литературе есть классовая борьба»» (с. 132); «...грубые право-оппортунистические ошибки в оценке идейной сущности конструктивизма и его роли в советской литературе» (фрагмент цитаты; с. 137); «Итог деятельности тех, кто управлял советской литературой, оценивался негативно» (с. 140); «Диалектика, как главный метод советской литературы, обсуждалась в партии еще в марте 1930 г.» (с. 144) и два упоминания в наименованиях источников (см.: с. 148, 152).

¹⁴ Ср.: «Бенедикт Сарнов, писатель, историк советской литературы» (с. 192).

¹⁵ Намечая контуры «советской литературы», которая «служит республике Советов», А.К. Воронский еще в 1922 г. впервые сформулировал этот принцип, определив в качестве его главного источника писательскую принадлежность к «советской действительности»: «Евев, Иванов, Борис Пильняк, Ник. Никитич, Лидин, А. Яковлев, Н. Ляшко, С. Семенов, М. Зоценко, А. Неверов, Н. Тихонов, К. Федин, Волков, П. Низовой, А. Аросев, Ю. Лебединский, А. Сейфуллина, Ф. Гладков и др. При всем различии их одаренности, характера творчества, стиля, манеры, *есть у них много общего*. Они выварились в котле советской действительности, пишут о ней, пишут иначе, чем «старики». <...> Это не пролетарская литература, не коммунистическая. <...> В целом эта литература — советская, враждебная и эмиграции, и последним «властителям дум» в литературе» (Воронский А.К. Из современных литературных настроений // Правда. 1922. 28 июня (№ 141). С. 2) (курсив наш. — О. Б., Д. Ц.).

В доказательство сказанного позволим себе также привести две цитаты, относящиеся к 1920-м гг. Первая принадлежит писателю В.С. Попову-Дубовскому, одно время входившему в редколлегию «Правды»:

Что такое советская литература? Очевидно, это литература классов, слоев и прослоев, имеющих в советском государстве. Советская литература в общем охвате — литература советской интеллигенции, советской буржуазии, примирившейся с революцией, литература крестьянства, вернее, крестьянской интеллигенции (отнюдь не совпадающая с литературой пролетарской), литература, если угодно, советского разночинца и т.д. <...> *Пролетарская литература также протекает параллельно и во взаимодействии с литературой советской* (курсив наш. — О. Б., Д. Ц.)¹⁶.

Вторая принадлежит одному из «столпов» пролеткритики — Г. Лелевичу:

Считая, что со временем пролетарская литература явится единственной серьезной силой в области художественного слова, следует признать, что уже сейчас интересы идеологического фронта требуют приобретения пролетарской литературой руководящего влияния в основных литературных партийно-советских органах печати <...> *главной опорой пролетарского авангарда в области литературы является пролетарская литература* (курсив наш. — О. Б., Д. Ц.)¹⁷.

Этот импровизированный «обмен мнениями» со стороны участников литературной жизни 1920-х, один из которых принадлежал к когорте «старых большевиков», а второй — к новой интеллигенции рапповского толка, ярко демонстрирует смысловое и идеологическое напряжение между «советским» и «пролетарским».

Кроме того, существенным недостатком рецензируемого издания (не исследования!) является отсутствие именного указателя, что существенно затрудняет для заинтересованного читателя работу с книгой.

Несмотря на указанные моменты и ряд других недостатков, научная позиция Юрганова изложена весьма доказательно и подтверждается, что особенно радует, не просто большим, а огромным количеством источников — от газетно-публицистических до архивных (в основном документами из фондов РГАЛИ и Музея МХАТ). Обсуждаемая книга — хороший пример того, как продуманный и на совесть сделанный методологический каркас исследования может организовывать колоссальное число разнородных материалов, при этом не теряясь за их напластованиями.

Быстрова Ольга Васильевна,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН

Bystrova Olga V.,
Candidate of Philology, Senior Researcher
Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

e-mail: bystrova63@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1542-2516>

Цыганов Дмитрий Михайлович,
научный сотрудник
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН

Tsyganov Dmitry M.,
Scientific Researcher
Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

e-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6633-3401>

¹⁶ Попов-Дубовский В.С. О пролетарской литературе: наброски. М.: Новая Москва, 1924. С. 43–44.

¹⁷ Лелевич Г. Об отношении к буржуазной литературе и промежуточным группировкам: тезисы // На посту. 1923. № 1. Стб. 198.

